

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.2>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.1

Submitted: 05.10.2023
Accepted: 30.01.2024

DISCOURSE IMPLEMENTATION OF “NEW SINCERITY” IN COMMUNICATIVE SPACE OF MEDIA

Marina A. Gladko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

Abstract. The article represents the peculiarities of “new sincerity” discursive representation in a media text. The research into this phenomenon from sociocultural angle presupposes conducting a multifaceted analysis, in particular, in communicative-and-cognitive and communicative-and-discursive perspectives. It is shown that the willingness of a linguistic personality to share their own thoughts and feelings in the public space is manifested in the generation of media discourse of “new sincerity”. The referential aspects of the “new sincerity” are revealed. The author establishes a repertoire of denotative-identifying reference (concrete, abstract referents, referent event), and a set of subject-marked text reference (emotive, evaluative referents). The explication of “new sincerity” is proved to become a tool of linguistic creative activity, as a result of which discourse scenarios are generated. They are focused on influencing the addressee (explication of personal significance, hypersensitivity). The macrostructural positions of the radio discourse of the “new sincerity” are revealed: lead, detailing, evaluative, emotionally oriented parts. Thematic dominants that form the discursive field of “new sincerity” are identified: “everyday life”, “life’s troubles”, “demonstration of weaknesses, inability”, “personal achievements and failures”, “personal preferences, secrets, qualities, interests, habits”, “fears and phobias”, “desires and dreams”, “details of personal life”. The television and radio discourses are rich in emotionally and personally oriented topics and concepts of sincerity, which leads to a change in the status of sincerity and sensitivity from peripheral phenomena to discourse-forming ones. It determines significant functional, qualitative changes in television and radio discourse.

Key words: mediadiscourse, television, radio, new sincerity, macrostructure, scenario, text reference.

Citation. Gladko M.A. Discourse Implementation of “New Sincerity” in Communicative Space of Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 18-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.2>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 05.10.2023
Дата принятия статьи: 30.01.2024

ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИА

Марина Александровна Гладко

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь

Аннотация. В статье изложены результаты исследования специфики дискурсивной репрезентации «новой искренности» в медиатексте. Изучение этого феномена в социокультурном контексте требует всестороннего анализа, в частности в рамках коммуникативно-когнитивного и коммуникативно-дискурсивного подходов. Показано, что готовность языковой личности поделиться собственными мыслями и чувствами в публичном пространстве манифестируется в порождении медиадискурса «новой искренности». Раскрыты референциальные аспекты «новой искренности»: установлен репертуар компонентов денотативно-идентифицирующей референции (конкретный, абстрактный референты, референтное событие), субъектно-маркированной референции (эмотивный, оценочный референты). Доказано, что экспликация «новой искренности» становится инструментом лингвокреативной деятельности, в результате которой происходит порождение сценариев дискурса, коммуникативной установкой которых является воздействие на адресата (экспликация личностных смыслов, гиперчувствительности). Выявлены макроструктурные позиции в радиодискурсе «но-

вой искренности»: подводка, детализирующий, оценочный, эмоционально ориентированный блоки. Определены тематические доминанты, формирующие дискурсивное поле «новой искренности»: ‘повседневная жизнь’, ‘жизненные неурядицы’, ‘демонстрация слабостей, неумения’, ‘личные достижения и неудачи’, ‘личные предпочтения, тайны, качества, интересы, привычки’, ‘страхи и фобии’ и т. д. Насыщенность теле- и радиодискурса эмоционально и личностно ориентированными темами приводит к изменению статуса искренности и чувствительности с периферийных феноменов на дискурсообразующие, что обуславливает существенные функциональные, качественные изменения теле- и радиодискурса.

Ключевые слова: медиадискурс, телевидение, радио, новая искренность, макроструктура, сценарий, референция.

Цитирование. Гладко М. А. Дискурсивная реализация «новой искренности» в коммуникативном пространстве медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 18–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.2>

Введение

Искренность считается одним из важнейших свойств коммуникации, ценностной характеристикой языковой личности. В медиадискурсе искренность можно рассматривать не только как выражение подлинных чувств и информации, но и как коммуникативный инструмент, способствующий достижению интересов говорящего, реализации его интенции. Социокультурные изменения обуславливают появление новых форм коммуникативного взаимодействия. Сегодня в медиасферу активно проникает, особым образом конструируя и детерминируя ее, актуальный в культуре и политике феномен – «новая искренность», фокусом которой является публичное обнажение личного пространства, рефлексия и демонстрация чувствительности, открытости и уязвимости.

«Новая искренность» смещает фокус с постмодернистской иронии на возрождение общечеловеческих ценностей, «которые оставляют нас уязвимыми для внешнего мира, но делают более человечными» [Иссерс, 2020, с. 217]. Феномен «новой искренности» активно обсуждается в работах по кинематографу, литературе, культурологии (Д. Десятерик, В.В. Савчук, Дж.Д. Фитцджеральд, Н. Тиммер). Вместе с тем малоисследованной является «новая искренность» в медиадискурсе. Ее изучение только начато в отдельных жанрах телевидения (ток-шоу, реалити-шоу) с позиций журналистики [Оводова, Жигунов, 2020; Sokolov, Shabrova, 2020].

Опираясь на трактовки понятия «новая искренность» в философских, психологических исследованиях, предпримем попытку спроецировать данный феномен на сферу медиакомму-

никации с целью выявления особенностей дискурсивной репрезентации «новой искренности».

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили записи 350 телепередач и 350 радиопередач, транслируемых в белорусском эфире в период 2015–2023 годов. Корпус исследуемых текстов представлен радиожанрами *беседа, интервью, комментарий, развлекательное радиошоу, радиочат* (на сайте радиостанции).

Использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также частнонаучные лингвистические методы: описательно-аналитический контекстуальный анализ, семантический анализ, дискурсивный анализ. Методологически исследование опирается на схему анализа неискренности в речевом общении, разработанную С.Н. Плотниковой. По мнению автора, лингвистические аспекты выражения неискренности в коммуникации наиболее эффективно описывать в рамках дискурса, изучая принципы его порождения, различные сценарии, особенности референции и языковой экспликации [Плотникова, 2020]. Искренность (в частности, ее форма «новая искренность»), являясь оппозиционной категорией неискренности, на наш взгляд, наиболее целесообразно подвергнуть анализу со схожих позиций.

Результаты и обсуждение

Ситуация публичной искренности репрезентируется в медиaprостранстве как особый дискурс – последовательность коммуникатив-

ных актов, создающих определенные прагматические эффекты. Изначально являясь личностной, психологической характеристикой, искренность трансформируется в коммуникативную технологию. «Новая искренность» конструирует макроструктуру медиатекста, выступает механизмом, определяющим коммуникативное поведение участников общения. Далее охарактеризуем макроструктурные позиции медиадискурса «новой искренности», репертуар компонентов денотативно-идентифицирующей референции (конкретный, абстрактный референты, референтное событие) и субъектно-маркированной референции (эмотивный, оценочный референты), а также сценарии, порождающие дискурс «новой искренности»: экспликацию личностных смыслов, градуированность эмоционального отношения к реальности или манифестацию чувствительности.

Искренность и «новая искренность»

Для более четкого осознания понятия «новой искренности» сначала охарактеризуем основы понимания категории *искренности*. Они заложены в теории речевых актов, сформулированной Дж. Серлем. Выделяя иллюкутивные силы (ассертив, комиссив, директив, экспрессив, декларатив), автор определяет «значимые измерения», которые позволяют слушателю различать иллюкутивные акты. Самыми существенными являются иллюкутивная цель, направление реализации соответствия между словами и миром и психологические состояния, которые выражаются иллюкутивным актом. Дж. Серль отмечает, что речевой акт является искренним в случае, если он отражает психологическое состояние говорящего и отвечает условиям истинности [Searle, 1969, p. 65].

Рассмотрение искренности в лингвистике сводится к двум аспектам. Искренность определяется как отношение соответствия между высказыванием и вербальным и невербальным поведением говорящего; между высказыванием и эмоциональным отношением к нему, к действительности говорящего. Н.Д. Арутюнова, описывая близкие к искренности понятия *истины* и *правды*, анализирует «правду искренности» как особую катего-

рию и определяет искренность как истинность чувства, выявляемого в вербальном общении. Автор пишет, что понятие искренности преимущественно связывается с эмоциональным или чувственным состоянием и его экспликацией [Арутюнова, 1998, с. 600]. Вместе с тем Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что искренность не ограничивается эмоциями. Она может относиться к оценкам, взглядам и убеждениям. Сема искренности входит в семантику слов, эксплицирующих некоторые речевые и неречевые действия: раскаяние, признание, исповедь и т. д. [Арутюнова, 1998, с. 589, 600–604].

Г. Фолкенберг особо подчеркивал, что искренность и неискренность как парные оппозиционные категории представляют собой «лингвистические акты, выражающие мысль говорящего, но одновременно нацеленные на ментальные эффекты в других людях» [Falkenberg, 1988, p. 89]. Воздействующая функция медиа детерминирует трансформации коммуникативных практик, что отражается в появлении особых технологий общения. Одно из таких явлений – «новая искренность».

Она зародилась как особое направление в литературе, кинематографе, музыке, масс-медиа в качестве ответной реакции, демонстрирующей усталость от иронии и сарказма постмодернизма [Rutten, 2017, p. 9–10]. Л. Триллинг определяет искренность как соответствие между откровенным признанием и действительным чувством и прослеживает ее появление в нравственной жизни Европы XX в. [Trilling, 1972, p. 56]. «Новая искренность» как характерная черта метамодернистского подхода к описанию реальности имеет интимный характер, эксплицирует индивидуальные представления об откровенности, о переживании и воспоминаниях [Оводова, Жигунов, 2020, с. 98].

В работах по метамодернистской психологии подчеркивается еще одна важная характеристика «новой искренности» – мечтательность: «постоянные колебания между субъективным и объективным, вымышленным и реальным, виртуальным и действительным вызывают своеобразную мечтательность, волнующее предчувствие чего-то ускользающего. Субъект обращается к рефлекс-

сии чувств, переживаний и грез, к разнообразным компонентам эмоциональной жизни, в которой важнейшее место занимает аутентичность переживаемого («новая искренность») и внутренняя психологическая правда» [Гребенюк].

Т.В. Леонтьева и А.В. Щетинина в ходе исследования идиоматических выражений с компонентом *новый*, в частности *новая искренность*, подчеркивают, что лексико-семантический и контекстный анализ дают возможность зафиксировать «расхождения, иногда существенные, у новых слов и их уже существующих в языке эквивалентов» [Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 198]. Авторы приходят к выводу, что семантический объем значения *новой искренности* существенно отличается от лексемы *искренность*, и предлагают включить в словарное описание идиомы *новая искренность*, помимо имеющегося терминологического значения, лексико-семантические варианты, в состав которых входят общие семы: ‘откровенный рассказ о себе’, ‘открытое выражение испытываемых эмоций’, ‘в публичном пространстве’, ‘оказать влияние на аудиторию’ – и дифференциальные семы: ‘технология коммуникации’, ‘в маркетинговой, политической и других сферах’ [Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 198].

Средства массовой коммуникации оказались созвучны идеям «новой искренности» и внедрили их в качестве особой коммуникативной технологии. Говоря о всепроникающей роли средств массовой коммуникации, В.В. Савчук отмечает, что они активно внедряются «в наше тело, чувственность, утверждая на свой лад расширение области чувствительности к активности техносреды, что делает невесомыми и невосприимчивыми к боли нашу телесность, наши стратегии навигации и поведения» [Савчук, 2020]. Значимой характеристикой массмедийной коммуникации, которая с трудом может претендовать на искренность в силу того, что она призвана конструировать образ реальности, камуфлировать ее, становится обновление коммуникативных кодов и стратегий, описывающих реальность, с фокусом на публичном обнажении личного пространства, рефлексии и демонстрации чувственности и чувствительности, открытости, уязвимости и доверчивости са-

мого адресата. Если медиадискурс прошлого века был направлен на формирование отношения (позитивного или негативного) к действительности, ее объектам, субъектам, на демонстрацию историй достижений, успеха и побед «суперпредставителей» нации (передовиков производства, выдающихся представителей различных сфер науки, искусства, спорта и т. д., знаменитостей, экстрасенсов и т. д.), то императивом медиадискурса XXI в. становится поликодовое отображение рефлексии чувств, переживаний, травм, равно как и достижений, самых тайных мечтаний и желаний, откровенных личных историй, креативной презентации самих зрителей и слушателей. «Новая искренность» как движение в философии, искусстве и культуре облекается в особый тип массмедийного дискурса в телерадиопространстве.

Референциальные аспекты «новой искренности» в радиодискурсе

Искренность в телерадиокоммуникации правомерно рассматривать в русле проблематики референции текста. Медиадискурс «новой искренности» характеризуется специфической референцией. При его порождении происходит «фокусирование референта». Данный термин предложен Т.А. ван Дейком, который определял его как акт выбора объекта для специальной обработки вниманием [Дейк, 1978, с. 315]. При порождении искреннего дискурса искренний говорящий осознанно выбирает центрального референта, то есть объект, на котором фокусируется внимание.

С учетом концепций С.Н. Плотниковой, Т.А. ван Дейка рассмотрим центральные референты, закрепленные (тиражируемые) в медиадискурсе «новой искренности». Выделим репертуар денотативно-идентифицирующей референции (конкретный, абстрактный референты, референтное событие), а также субъектно-маркированной референции (эмотивный, оценочный референт).

Согласно исследованию Е.А. Горло, денотативно-идентифицирующие референции репрезентируют номинации объектов действительности и фиксируют фактическую соотнесенность с ними других объектов, представляют референциально-фактологический план

высказывания; субъектно-маркированные референции отражают выражение субъективного отношения говорящего к определенному фрагменту изображаемой действительности [Горло, 2012, с. 20]. При выражении искренности использование конкретной референции нацелено на введение в фокус внимания объекта, присутствующего в реальной картине мира, личной жизни говорящего. Например, радиослушательница сообщает о том, как и где она знакомится:

(1) Я знакомлюсь с противоположным полом очень много и легко. **Иду на прогулку** со своим песиком. И он у меня **очень красивый, необычного окраса**. Постоянно **ловим улыбки** от людей. И дальше дело техники завязать разговор (Легкие будни // РадиоРокс. 2022).

Указание на реальный объект осуществляется конкретными существительными (*песик*), глагольными формами и глагольными группами (*иду на прогулку, ловим улыбки*) и прилагательными (*очень красивый, необычного окраса*).

Абстрактная референция эксплицируется в случае фокуса на референте, который представлен абстрактным существительным. Говорящий «организует свой дискурс таким образом, чтобы в нем выражалось общепринятое значение данного существительного» [Плотникова, 2000, с. 160]. В большинстве случаев абстрактный референт представлен эксплицитно в оценочных блоках:

(2) Без **любви** и жизни нет! **Любовь** нужна каждому живущему человеку, это основа для создания. И когда человек ничего не ждет взамен, а любит без всяких условностей, тогда и нет ревности, обиды и т. д., а есть истинная **любовь**. И тогда на душе радость, спокойствие (РадиоРокс. 2023).

Субъективно-оценочная референция разворачивается за счет следующих типов референции: оценочной (выражение ценностного или вероятностного отношения к денотируемому объекту или событию) (подробно о ней см.: [Горло, 2012, с. 21]) и эмотивной (экспликация эмоционального и/или психического состояния и отношения к нему). Фокус дискурса осуществляется на перцептивном и аффективном опыте субъекта и оценке, отражении чувственной картины мира. Эмоции

фиксируются в тексте посредством оценочной лексики, эмотивов, глагольных маркеров модального плана (*хочу, желаю, мечтаю* и т. д.), а также визуальных кодов (в конвергентном радио). Искренность может базироваться на референции к качествам, признакам субъекта или объекта, описывающим их как в положительном, так и в отрицательном аспекте, например:

(3) Любовь, да, Степа, вспомнила, меня еще называли Колючим Ежиком, потому что если меня незаслуженно обидели, то ответ был адекватным... Ирина Левончук Доброе утро! Сегодня я на все **100** Ира Сонная Муха или Ира Неоткрывающийся Глаз! А вообще я – Ира Неугомонная Душа! (Радио Мир).

Эмотивные референции, передающие эмоциональное состояние, чувства, ощущения, переживания субъекта речи могут быть нацелены на самопрезентацию, намерение автора выделить свое сообщение в массе других. Показателен следующий текст как репрезентант «новой искренности», которая мотивирует коммуникантов смотреть на то, чем они занимаются и что делают для других людей с «любящей позиции» [New Sincerity], относиться к жизни с чувственных позиций. Это создается за счет контаминации эмотивной лексики:

(4) Елена нам пишет, что она дарящая солнце, победительница всех одежд и дырок. **Я рыжая, люблю солнце, люблю улыбаться, швея, которая реанимирует любимую одежду людей** (Радио Столица. 2021).

Значимыми аспектами «новой искренности» является мечтательность как элемент «бережного отношения к себе и окружающему миру» и выражение «любящей позиции смотреть на то, чем я занимаюсь» [New Sincerity]. Соответственно, «новая искренность» в медиапространстве базируется не только на денотации реальных объектов личного пространства коммуниканта, но и на экспликации референтов желаемых объектов, действий и отношения к объектам речевой деятельности:

(5) Давайте поговорим о мечте. Мечтаете ли вы, о чем? <...> Расскажите о тех мечтах, которые исполнились, и о том, что помешало осуществиться другим мечтам (Наши люди // Радио Рокс. 2016).

Опираясь на предложенную А.А. Негрышевым на классификацию событий [Негрышев, 2011], выделим репертуар референтных событий искреннего дискурса в медиапространстве: *событие-действие* (действия из повседневной жизни, хобби слушателя или ведущего); *событие – изменение состояния дел* (достижение успеха, преодоление проблем и неудач, изменение характера и мировоззрения); *событие-мероприятие* (семейные встречи, беседы, походы в театр и т. д.); *событие-решение* (замужество, развод и т. д.). Центральным референтным фокусом дискурса «новой искренности» становятся факты, события (действия, объекты, причины и следствия) из личной, часто интимной жизни, в действительности, возможно, скрываемые не только от публичного, но и дружеского интереса. Базируясь на референтах радиодискурса, выделим тематические доминанты, формирующие тематическое и в целом дискурсивное поле «новой искренности»: ‘повседневная жизнь’, ‘жизненные неурядицы’, ‘демонстрация слабостей, неумения’, ‘личные достижения и неудачи’, ‘личные предпочтения, тайны, качества (стихи, песни, домашние животные, кулинарные рецепты и т. д.)’, ‘интересы, привычки’, ‘страхи и фобии’, ‘желания и мечты’, ‘подробности личной жизни’.

Сценарии и макроструктура медиадискурса «новой искренности»

Ситуативно-дифференцированное проявление интерсубъектного взаимодействия в медиапространстве во многом детерминировано различными механизмами использования знаний. В теории М. Минского решающая роль в порождении и понимании текстов принадлежит ментальным структурам: фрейму, сценарию и фрейму-сценарию [Минский, 1979]. Для описания особенностей когнитивного представления «новой искренности» в телерадиокоммуникации наиболее релевантным представляется термин *сценарий*. Как отмечает К. Нельсон, в отличие от статических структур представления знаний (фреймов, схем и т. д.) сценарий является когнитивной структурой динамического характера, имеет базовый элемент действия, представляет опреде-

ленную последовательность шагов, протекающую во времени и пространстве, где одна сцена следует за другой и все они связаны каузальными связями [Nelson, 1986, p. 15].

Классификация сценариев «новой искренности» в теле- и радиодискурсе основывается на конкретизации отношения адресанта к окружающей действительности, участникам общения, которое проявляется в его настроении и чувствах; представлении им собственного образа, характеризующегося направленностью на репрезентацию личных желаний, ценностей, мечтаний, эмоций и т. д.

Сценарий экспликации личностных смыслов

Важной дискурсивной характеристикой, позволяющей отнести текст к рассматриваемому направлению «новой искренности», является самовыражение, «эксплицитное обозначение собственной идентичности» [Иссерс, 2020, с. 219]. Отметим, что, как справедливо замечает О.С. Иссерс, автор выбирает стратегию личностного самоопределения в качестве способа выражения коммуникативного намерения, «которое не оставляет сомнений в его искренности. ...Важно не столько прием, сколько результат: у адресата создается впечатление об установке на взаимную открытость и доверие» [Иссерс, 2020, с. 219–220].

Базовый сценарий экспликации личностных смыслов опишем с помощью следующих категорий: Агент (журналист, стимулирующий проявление искренности и/или производитель личностных смыслов), Объект (слушатель, производитель личностных смыслов), Непосредственная причина (событие, факты, провоцирующие выражение личностного отношения), Речевое поведение, эксплицирующее личностные смыслы. Образы журналиста и слушателя представлены речевыми масками. Журналист: *Дружелюбный, Воодушевляющий*. Слушатель:

– *Креативный* (пишет стихи, демонстрирующие эпизоды из личной жизни, придумывает названия передач и т. д.):

(6) Ирина Левончук Доброе утро.
Стих о наболевшем...

Вот и осень наступила –
Улетели гуси.
Боже, дай мне просто силы
Вспомнить о гипотенузе!
Вроде не учусь я в школе,
Выросла слегка я.
Ох, труд родителей тяжелый!
Всю школу мы проходим снова! (РадиоРокс.
2022);

– *Откровенный:*

(7) Честно говоря, даже не знаю. Ведь каждый ездил летом на дачу или в деревню, но сейчас там тоже есть блага цивилизации – однако имею этот опыт (Вечер трудного дня // ОНТ. 15.04.2015);

– *Самокритичный:*

(8) Леонид пишет, что вот он не может долго сидеть с детьми и с ним трудно бывает (Мировое утро с подъемной силой // Радио Мир. 2020);

– *Довольный собой:*

(9) У меня талант выращивать цветы, дома, на улице, где только можно, без цветов не представляю своей жизни (Вечер трудного дня // ОНТ. 08.04.2015).

Демонстрация креативного самовыражения, привычек, слабостей и недостатков, личного мнения слушателей, разговоры о жизни, ее мелочах призваны придать радиокommunikации определенную душевность и живость, дают возможность адресату увидеть, что ведущий – человек, как и он сам, которого точно так же раздражают или интересуют те же вещи вокруг, что занимают и самого зрителя.

Сценарий гиперчувствительности

Данный когнитивный сценарий конструируется как утверждение этики соучастия, роста активной эмоциональной и этической вовлеченности слушателей в жизнь мира и личную жизнь других. Гипертрофированная чувствительность, по словам А.Н. Фортунатова и Н.Г. Воскресенской, заменяет мыслительные процессы, переводит «область смыслов в сферу чувственно осваиваемого восприятия» [Фортунатов, Воскресенская, 2021, с. 283]. Прототипический сценарий гиперчувствительности представим категориями образа автора (Ав – агент (производи-

тель) гиперчувствительности), адресата (А – мишень, объект (получатель) чувствительности, агент (производитель) чувствительности в интернет-комментариях), Объект гиперчувствительности (событие, факт, мнение, продуцирующие выражение эмоций); Поведение, эксплицирующее чувствительность. Образы автора и адресата представлены речевыми масками.

Ав:

– *Подбадривающий доброжелатель:*

(10) Ну, давайте, мы ждем ваши замечательные, откровенные истории (На подъеме // Радио Рокс. 2023);

(11) Пусть в вашей жизни все будет супер, супер (На подъеме // Радио Рокс. 2023);

– *Шутник-насмешник:*

(12) Ну вот и будешь ты у нас трамваем! (Был бы повод // Радио Рокс. 2022);

– *Чувствительный:*

(13) Ой, какая жуткая история! Очень жаль, мы прям тут съезжились все (Выход есть // Радио Юнистар. 07.11.2015).

А:

– *Пострадавший:*

(14) А вот меня бросила жена и выбросила моего кота (Радио Мир);

– *Чувствительный:*

(15) Ребята, вы супер, это такой вот нежный кусочек счастья (Радио Рокс);

– *Гедонистически ориентированный:*

(16) Котик Пончик желает всем хорошего настроения и приятных выходных! (РадиоРокс);

– *Ностальгирующий:*

(17) Мы 7 ноября весело отмечали в парке с семьей, чувство единства – это здорово (Выход есть // Радио Юнистар. 24.10.2015).

В теледискурсе сходным данному является *сценарий чувствительности*. Нарративы, отдельные высказывания и комментарии о личных и чужих проблемах, переживаниях и недугах в коммуникативном пространстве медиа становятся закономерностью, создающей единую текстовую систему. Разные жиз-

ненные, эмоциональные ситуации, описываемые с помощью терминов психотерапии, демонстрируют тонкие оттенки эмоций: *абьюз, буллинг, токсичные отношения, личные границы, обесценивание, травма* и т. д. По мнению культуролога Ю. Сапрыкина, этот «новый язык чувств» и есть «новая чувствительность» [Сапрыкин]. При общих речевых масках, характеризующих коммуникативное поведение участников общения, в отличие от радиодискурса «новой искренности» в теледискурсе отсутствует экспрессивная составляющая, реализующая гиперсенситивность.

Макроструктура медиадискурса «новой искренности»

Как отмечает В.В. Савчук, в эпоху «новой искренности» рефлексия и осмысление, которые испытывает говорящий, выносятся на сцену [Савчук]. Коммуникативные инструменты дискурса «новой искренности», выступая как репрезентанты лично ориентированной коммуникации, являются если не частью действия, то заменой самому действию. В таком случае макроструктура дискурса «новой искренности» представлена нанизыванием в монтажной очередности отрезков текста, содержащих информацию о событии или факте из личной жизни говорящего, эмоциональном состоянии говорящего / автора сообщения, личную оценку. Мы разработали модель макроструктуры медиадискурса «новой искренности» как схемы формально-содержательной организации текста, порождаемой дискурсом, с заданным набором характерных правил (стратегий и тактик), которая представлена в виде совокупности макротекстовых позиций: *подводка* содержит призыв к откровенности; *оценочный блок* демонстрирует продукт умозаключения, оценки журналиста или слушателей; *эмоционально ориентированный блок* эксплицирует эмоциональное отношение; *детализирующий блок* содержит информацию о компонентах лично значимого события или факта. Приведем пример развертывания макроструктуры «новой искренности» в развлекательном радиодискурсе:

(18) Ведущий: (*подводка*) Когда вы что-то недоговариваете, такие маааленькие, но очень мииии-

лые враки. Расскажите нам... (Смеются.) Ведущая: Я зачитываю. <...> (*детализирующий блок*) Прошу маму взять детей на несколько часов, пока я там делаю уборку. А сама включаю на максимум режим лени и сплю себе или в телефоне сижу. (*оценочный блок*) Ну, и нормально. Я сама так часто делаю. Ведущий: (*подводка*) От всего сердца мы сегодня говорим о маленьких враках. (*детализирующий блок*) Вот Лена написала. Я обычно недоговариваю, что кладу в еду. Мои дети и муж не любят кабачки, но откуда им знать, что я всегда его добавляю, например, в рагу. (*оценочный, детализирующий блоки*) Ну, слушай, есть же дети, которые не едят лук. Причем мои племянники, дело было такое, вообще даже говорили, вот из курицы мы едим еду, из свинины мы не едим. <...> Ведущая: (*детализирующий блок*) Надя написала. Парню своему соврала, что хорошо готовлю. Обман раскрылся в первый же ужин. Стыдно было!!! А-а-а-а <...> (*эмоционально-оценочный блок*) Спасибо за ваши чудесные, искренние истории! (На подъеме // Радио Рокс. 01.11.2022).

В завершение анализа дискурсивной реализации «новой искренности» в медиадискурсе отметим следующее. Посмодернистские характеристики медиадискурса – отчужденно-ироничное, фамильярно-игровое отношение к объектам действительности и человеку, ирония, экспрессивная шутка, манифестируемые игровыми, развлекательными стратегиями, постепенно заменяются коммуникативно-дискурсивными средствами «новой искренности». Соответственно, модифицируется рекреативная функция медиадискурса – условия для отдыха, удовольствия, эскапизма и развлечения формируются не только и не столько за счет коммуникативно-дискурсивных и языковых инструментов инфотейнмента, сколько за счет публичной экспликации личного пространства, откровенности, самоидентификации и чувствительности.

Лингвосемиотическое явление карнавализации обеспечивает театральность и красочную зрелищность медиадискурса. В то же время карнавализация получает особую манифестацию в коммуникативном пространстве современного телевидения и радио. Медиадискурс «новой искренности» репрезентирует новую форму карнавализации, связанную с категорией искренности. Содержание, лингвопрагматическая и коммуникативно-дискурсивная реализация медиатекста (отбор рефе-

рентов, сценарии, макроструктура, коммуникативные стратегии «новой искренности», речевые маски, эксплицирующие сценарии «новой искренности») направлены на презентацию априори не предназначенных для развлечения событий и фактов истории, окружающей действительности и личной жизни языковой личности. В этом заключается «карнавализация» фактов и событий жизни / реальности, а также личностей. Они подаются в теле- и радиопространстве как особое зрелище, маскарад искренности и эмоциональной чувствительности, публичного обсуждения личного и/или ранее умалчиваемого. В качестве зрелища предлагается изнаночная, изначально скрытая за фасадом успешности и праздничности сторона жизни языковой личности (репрезентируется темами травмы, страданий, личной жизни, сценариями экспликации личностных смыслов, стратегиями «новой искренности»). Карнавальная «инверсия двоичных противопоставлений» (шут объявляется королем и т. д.) (по М.М. Бахтину) манифестируется речевым поведением участником коммуникации, не столько развлекающих или забавляющих аудиторию, сколько демонстрирующих определенную публичную откровенность. Успешные, знаменитые социальные акторы показываются в коммуникативном пространстве как обычные люди с повседневными проблемами, травмами и неудачами. Желания, достижения и мечтания обычных людей, представленных адресатом-соадресантом конвергентного теле- и радиодискурса, получают презентацию в публичном текстовом пространстве. Напомним, что в коммуникативном пространстве медиа начала 2000-х гг. типичным героем являлись успешные, знаменитые / известные персоны, представляющие историю жизни как историю успеха и достижений, часто одновременно развлекающие публику.

Развитие новой формы карнавализации связано с эксплицитным обозначением собственной идентичности. Новые роли языковой личности (Чувствительный, Травмированный / Пострадавший, Ностальгирующий, Мечтающий, Довольный собой и т. д.) сменяют игровые, развлекательные, сенсационно-шокирующие (Шут, Развлекающий публику, Гордец и т. д.) карнавальные модели самореализации в медиадискурсе. Ср.:

(19) Ведущий: Сейчас у вас балы... Это в какой-то мере игрушки, которые стали возможны вам? Гость: Нет предела мечтаниям. Человек, добиваясь определенного уровня, хочет попасть на более высокий еще. Ведущий: Если бы тогда свердловскому ПТУшнику сказали, мальчик, у тебя когда-нибудь через несколько лет будет свой собственный бал, он бы поверил в это? Гость: В отрочестве я был очень амбициозным человеком. Я был уверен, что достигну невероятных высот (Карамболь // Беларусь 1. 25.02.2000);

(20) Ведущий: Егор, скажите, а что у вас там в Пензе, какая-то летающая тарелка? Смотрите, Тимур Родригес, Павел Воля и вот теперь вы. <...> Гость: В Пензе очень хорошая школа жизни. Да. Ты рано взрослеешь. <...> Я не мог найти общие интересы. У всех компьютерные игры. У меня – музыка... Интернет. Я всегда про всех знал. Ведущий: Почему это произошло? Вы были белой вороной среди основной массой своих..? Гость: Я очень редко общался в школе, когда был полный класс людей. Я сидел один... (Вечер трудного дня // Беларусь 1. 2015).

В отличие от смехово-развлекательной, новая форма карнавализации нацелена не только на смеховое, балаганное развлечение, приносящее удовольствие и эскапизм, но и на демонстрацию общечеловеческих ценностей, уязвимости человека, разнообразных компонентов эмоциональной жизни, которые, в свою очередь, формируются медиадискурсом в особое зрелище для адресата.

Заключение

В результате анализа репрезентации «новой искренности» в коммуникативном пространстве телевидения и радио мы приходим к выводу, что это социокультурное направление становится дискурсивной практикой и технологией коммуникации, формируя структуру и содержание медиатекста. Стремление и готовность языковой личности поделиться собственными мыслями и чувствами в публичном пространстве манифестируется в порождении медиадискурса «новой искренности». Его макроструктура представлена монтажом подводки, детализирующих, оценочных и эмоционально ориентированных блоков. В ряде случаев экспликация «новой искренности» становится своеобразным аттрактивом и кульминацией текста. Экспликация «новой искренности» является

инструментом лингвокреативной деятельности, в результате которой происходит порождение сценариев дискурса, соответствующих целям адресанта и ориентированных на воздействие на адресата. Манифестантами «новой искренности» выступает набор денотативно-идентифицирующих, субъектно-маркированных центральных референтов, которые находят свое выражение в различных тематических доминантах, языковых маркерах и особом наборе ролей языковой личности (Чувствительный, Постстрадавший, Ностальгирующий, Травмированный и т. д.). Таким образом, необходимо говорить о новой форме карнавализации – публичной искренности, откровенности и чувствительности, противопоставленной смехово-развлекательной карнавализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1998. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры. 896 с.
- Горло Е. А., 2012. Эмотивные референции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. № 5 (3). С. 20–26.
- Гребенюк А. Основы метамодернистской психологии // *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology>
- Дейк Т. А. ван, 1978. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М. : Прогресс. 489 с.
- Иссерс О. С., 2020. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19, № 6 : Журналистика. С. 216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., 2022. Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте // Научный диалог. № 11 (6). С. 183–201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201
- Минский М., 1979. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия. 151 с.
- Негрышев А. А., 2011. К макроструктурной типологии текстов новостных жанров // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. № 1. С. 228–244.
- Оводова С. Н., Жигунов А. Ю., 2020. Метамодернистский медиадискурс в современной культуре: от глобального молчания к глубокой искренности // Вестник Омского университета. Т. 25, № 4. С. 94–101. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4)
- Плотникова С. Н., 2000. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск : ИГЛУ. 244 с.
- Савчук В. В., 2020. Идеология постинформационной искренности // Художественный журнал. № 30–31. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741>
- Сапрыкин Ю. Новая чувствительность. Как выжить в мире обиженных и оскорбленных? URL: <https://republic.ru/posts/94181>
- Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г., 2021. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 26, № 2. С. 276–285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285
- Falkenberg G., 1988. *Insincerity and Disloyalty // Argumentation*. Iss. 2. P. 89–97.
- Nelson K., 1986. *Event Knowledge Structure and Function in Development*. Hillsdale ; L. : Lawrence Erlbaum Associates. 201 p.
- New Sincerity // *HiSoUR*. URL: <https://www.hisour.com/new-sincerity-34646>
- Rutten E., 2017. *Sincerity After Communism: A Cultural History*. New Haven : Yale University Press. 288 p.
- Searle J. R., 1969. *Speech acts: An essay in the Philosophy of Language*. Cambridge : Cambridge University Press. 203 p.
- Sokolov A., Shabrova P. *New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing Cultural and Political Discourses in the Media Space // Proceedings of 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities – Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020)*. Moscow : Atlantis Press. P. 191–196.
- Trilling L., 1972. *Sincerity and Authenticity*. Oxford : Oxford University Press. 202 p.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1998. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yaz. rus. kultury. 896 p.
- Gorlo E.A., 2012. Emotivnye referentsii [Emotive References]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Filologiya* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. Philology], no. 5 (3), pp. 20-26.
- Grebennyuk A. *Osnovy metamodernistskoy psikhologii* [Fundamentals of Metamodern Psychology]. *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology>
- Dijk T.A. van, 1978. *Voprosy pragmatiki teksta* [Questions of Text Pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta* [Progress

- New in Foreign Linguistics. Iss. 8. Text Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 489 p.
- Issers O.S., 2020. Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History and Philology], vol. 19, no. 6: Journalism, pp. 216-227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Leontyeva T.V., Shchetinina A.V., 2022. Sochetanie novaya iskrennost v leksikograficheskom aspekte [Combination ‘New Sincerity’ in Lexicographic Aspect]. *Nauchnyy dialog*, no. 11 (6), pp. 183-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201
- Minskiy M., 1979. *Freyemy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for Knowledge Representation]. Moscow, Energiya Publ. 151 p.
- Negryshev A.A., 2011. K makrostrukturnoy tipologii tekstov novostnykh zhanrov [On Macrostructural Typology of Texts in News Genres]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika* [The Journal Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 10. Journalism], no. 1, pp. 228-244.
- Ovodova S.N., Zhigunov A.Yu., 2020. Metamodernistskiy mediadiskurs v sovremennoy kulture: ot globalnogo molchaniya k glubokoy iskrennosti [Metamodernistic Media-Discourse in Modern Culture: From Global Silence to Deep Sincerity]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], vol. 25, no. 4, pp. 94-101. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4).94-101
- Plotnikova S.N., 2000. *Neiskrenniy diskurs (v kognitivnom i strukturno-funktsionalnom aspektakh)* [Insincere Discourse (In Cognitive and Structural-Functional Aspects)]. Irkutsk, IGLU Publ. 244 p.
- Savchuk V.V., 2000. Ideologiya postinformatsionnoy iskrennosti [The Ideology of Post-Information Sincerity]. *Khudozhestvennyy zhurnal*, no. 30-31. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741>
- Saprykin Yu. *Novaya chuvstvitelnost. Kak vyzhit v mire obizhennykh i oskorblennykh?* [New Sensitivity. How to Survive in a World of the Offended?]. URL: <https://republic.ru/posts/94181>
- Fortunatov A.N., Voskresenskaya N.G., 2021. Tsifrovye kompetentsii i tekhnologii novoy iskrennosti v epokhu Web 4.0 [Digital Competencies and Technologies of New Sincerity in the Web 4.0 Era]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], vol. 26, no. 2, pp. 276-285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285
- Falkenberg G., 1988. Insincerity and Disloyalty. *Argumentation*, iss. 2, pp. 89-97.
- Nelson K., 1986. *Event Knowledge Structure and Function in Development*. Hillsdale, London, Lawrence Erlbaum Associates. 201 p.
- New Sincerity. *HiSoUR*. URL: <https://www.hisour.com/new-sincerity-34646>
- Rutten E., 2017. *Sincerity After Communism: A Cultural History*. New Haven, Yale University Press. 288 p.
- Searle J.R., 1969. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, Cambridge University Press. 203 p.
- Sokolov A., Shabrova P. New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing Cultural and Political Discourses in the Media Space. *Proceedings of 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities – Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020)*. Moscow, Atlantis Press, pp. 191-196.
- Trilling L., 1972. *Sincerity and Authenticity*. Oxford, Oxford University Press. 202 p.

Information About the Author

Marina A. Gladko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Speech Studies and Communication Theory, Minsk State Linguistic University, Zakharova St, 21, 220034 Minsk, Belarus, glad_26@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>

Информация об авторе

Марина Александровна Гладко, кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации, Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034 г. Минск, Беларусь, glad_26@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>